

Николай Владленович Басов
Устранитель зла
Серия «Лотар Желтоголовый», книга 7

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131179*

Аннотация

Лотар Желтоголовый, охотник на демонов, впервые узнает, что значит самому быть дичью. Небольшое процветающее государство, возникшее вокруг Лотара и его сподвижников, разгромлено цахорами, бессмертными кожаными капюшонами. Но Лотар не сдаётся – ему предстоит найти и устранить хозяина цахоров, источник всех бед и средоточие зла этого мира – Архидемона Нахаба, и заслужить почетное звание Устранитель Зла.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Басов

Устранитель зла

Глава 1

Лотар Желтоголовый, драконий оборотень, прозванный Устранителем Зла, осмотрел гимнастическую площадку Ордена серыми печальными глазами. Эта печаль была заметна всем, кто его знал, хотя никто не догадывался о ее причине. Невероятным образом Лотару удавалось спрятать эту причину даже от Сухмета.

На большой площадке, разделенной на три сектора – с песком, мелкими острыми камешками и чистыми каменными плитами, работали и новые, и уже опытные орденцы. Их было теперь менее двух десятков. После разгрома Ордена, учиненного цахорами, Лотар еще больше повысил требования к новым бойцам, и приток вступающих в Орден сократился до двух-трех в год. Это не шло ни в какое сравнение с прежними временами, когда число орденцев дошло до сорока с небольшим человек.

В центре площадки стоял крытый павильон с наборным деревянным полом. Тут работали в зимнее время, хотя все реже и реже. Лотар как-то высказался, что ребятам следует согреться движением, и его идея постепенно находила все больше последователей.

Желтоголовый очистил сознание, проделал дыхательную гимнастику, которая должна была сделать движение «ки» легким и мощным одновременно, а потом стал очень аккуратно разминать каждый мускул, сустав, каждую связочку тела. Если бы он был машиной, то, вероятно, вытащил бы на свет, прочистил, смазал и вставил на место каждый винтик.

Разминка длилась часа три. Потом Лотар перешел к сложным упражнениям, которые по темпу и скорости мало отличались от настоящего боя. К тому времени его тело уже играло, как огромный оркестр. На взгляд со стороны казалось, что ни один прием не был для него чересчур сложным. Ему удавалось все.

Но сам он был не всегда доволен, пару раз останавливался и начинал свои головоломные трюки сначала, только с еще большим ожесточением и сосредоточенностью.

Провернув десяток очень тяжелых боевых кат, Лотар перекусил, поскольку время близились ко второму завтраку, и начал работу с мечом. Три или четыре раза он повторил одну и ту же сложнейшую связку приемов, которую придумал года два назад, а потом принялся пристраивать к ней еще более сложные движения. Стак, а с ним и недавно ставшие магистрами Ордена Мало, Бородул и Опристак только головой качали, глядя на его работу.

Наконец Лотар перешел на совершенно новый вид оружия, которое уже давно осваивал и для которого находил все больше и больше приемов. Длинная кованая цепочка с кошкой особого рода на конце. Эта кошка вполне умещалась в рукаве широкой куртки, но после броска раскрывалась и могла оплести противника в талии или в ногах или зафиксировать руку и сделать почти беспомощным, если цепочку не удавалось сбросить. Именно сбросить, потому что обрубить ее никто не мог. Помимо этого, она была вполне удобным метательным оружием, поскольку имела острый трехгранный шип впереди. А при правильном применении на небольших дистанциях это устройство вполне заменяло легкий кистень, блокироваться от которого было бесполезно.

Лотар учился работать цепочкой сначала левой рукой в комбинации с мечом, потом правой в комбинации с вакизаши, потом двумя руками, когда цепочка становилась гибким подвижным щитом, не пропускающим ни одного удара, зато захватывающим любое оружие, кроме самого тяжелого, вроде булавы, что позволяло тут же переводить защитные действия в атакующие. Когда он начал пробовать эти комбинации на деревянном манекене, орденцы

только головами качали – то, что творил их Учитель, казалось невероятным. Он создавал технику боя, какой она могла быть только у демонов. Человеческого разума на нее просто не хватало.

Работа с цепочкой и кошкой длилась до обеда. Лотар уже устал. Он все чаще подходил к ведру с водой, прикладываясь к серебряному черпачку, прикованному к ведру цепочкой, и уже не выкладывался на каждом приеме, как будто от этого зависела жизнь всех его друзей.

Внезапно дверь раскрылась, и на стадион вышел Рубос – один из трех неорденцев, которому разрешалось входить сюда в любое время дня и ночи. Он что-то знал и источал такую ауру таинственности, что даже Стак, который очень любил мирамца, неодобрительно посмотрел в его сторону.

Потом в окне второго этажа детинца, где находился совещательный зал Лотара, мелькнуло лицо Джа Ди. Фой тут же спрятался за занавеску, но его внезапный интерес к тренировке не укрылся от внимания Желтоголового.

Наконец дверь снова открылась, и в додзе с поклоном вошел Сухмет, стараясь, чтобы его не замечали. Впрочем, не заметить его было невозможно: он, по своему обыкновению, был разодет в тканную золотом парчу, сверкал самоцветами, богато украшавшими пояс, а в руках держал посох Гурама, который иной раз блеском мог затмить эти самоцветы и все навешанное на восточника золото.

Тут Лотар приостановился. Он смерил взглядом зрителей и усмехнулся.

Рубос, увидев Сухмета, как бы невзначай подошел к нему и, стараясь не шевелить губами, прошептал:

– И вот так каждый день все пять лет, которые прошли после победы над цахорами?

– Ну, не совсем, Рубос, – тоже очень тихо ответил Сухмет. – Все-таки четыре раза он принимал заказы на сражение с самыми отпетыми демонами, но и в поездках работал, словно решил убить себя этими тренировками.

– А что демоны? Каково им пришлось?

Сухмет улыбнулся сухими, по-стариковски сморщенными губами.

– Он расправился с ними так, что мы этого даже не поняли. Сейчас главную опасность для него представляет он сам, а не какие-то злодеи с магическими способностями.

Рубос, забыв о конспирации, с интересом посмотрел на Лотара в упор.

– Знаешь, Сухмет, я стою тут уже треть часа и могу честно тебе сказать: я не понимаю, что и как он делает. Это подготовка для боя какого-то невероятного уровня. Словно он решил свергать богов.

– Не один ты его не понимаешь. Эти ребята, – Сухмет кивнул подбородком на Стака и остальных, – тоже не понимают, а они смотрят на него все эти пять лет, начиная с момента, когда он только принялся это выдумывать. И каждый из них подготовлен так, что, не задумываясь, принял бы на себя удар небольшой армии, причем, не исключено, вышел бы победителем.

У Рубоса удивленно дрогнули брови.

– Даже так? А откуда он вообще черпает идеи для такой работы? Все-таки, что ни говори, техника боя ограничена человеческими возможностями и потому давно известна. А то, что он делает, это что-то... – Рубос смешался, потом все-таки закончил: – Что-то даже зловещее.

Сухмет кивнул:

– Ты правильно заметил. И орденцев это смущает. Они считают, что мастерство Учителя уже не совсем человеческое. Когда его спросили об этом, он сказал, что учится у Камазоха. Просто вызывает в памяти все, что видел пять лет назад, и отрабатывает действия и контрдействия и проигрывает те, прежние, бои. Неделью назад Лотар мельком подумал, что

способен биться уже с двумя цахорами одновременно. Но он хочет отшлифовать технику боя против четырех Капюшонов... Ну, как если бы они снова появились.

– Я понимаю. – Рубос выглядел не столько озадаченным, сколько испуганным. – А разве это возможно? Помнить движения противника, с которым бился пять лет назад?

– Я научил его паре магических приемов, восстанавливающих память, и он как-то признался, что теперь может вспомнить даже движения своих детских лет.

Рубос вздохнул, рассеянно провел рукой по лбу, словно прогонял неприятные мысли:

– Интересно тут у вас, очень интересно. А в вольном спарринге кто-нибудь решился проверить его технику?

Сухмет опять улыбнулся:

– Он отказывается. Говорит, очень важно, чтобы была привычка работать в полную силу, на убой, а значит, орденцы для проверки не подходят.

– Ну а демоны? Может, подобрать ему кого-нибудь потруднее?

Сухмет посмотрел на Рубоса с некоторым сомнением:

– Я же говорил тебе, что четыре раза он сражался с демонами из таких, к которым мы еще лет десять назад не знали, как подступиться.

Молчание длилось довольно долго. Лишь резкие вздохи орденцев прокатывались над площадкой, да звон стали, да стук шестов, да крики на выдохе во время самых сложных приемов.

– И что? – спросил наконец Рубос.

Сухмет вздохнул:

– Если демоны и насажали ему синяков перед тем, как он их кончил, то я их не лечил.

– Так хорош?

– Хорош – это слово уже не про моего господина, а про Стака, например, или про Мало.

Про него нужно говорить как-то иначе.

– Как?

Сухмет опять вздохнул, но уже потому, что, похоже, вопрос, который задал Рубос, он и сам себе не раз задавал.

– Не знаю.

Они посмотрели на Лотара. Тот уже просто размазывался в воздухе – глаза не могли видеть его как привычный человеческий силуэт.

– Невероятная скорость, – невольно произнес Рубос.

Сухмет махнул рукой:

– Нет, он уже подустал. Уже, так сказать, не гонит.

Рубос только руками развел:

– А сегодня-то что будет?

– То-то и оно, что Стак – тоже боец с норовом. Да и остальные считают, что их мастерство чего-то стоит. И решили напасть на Учителя. Вполовину силы, вернее... – Сухмет подумал и рассеянно дернул себя за золотой ошейник, – как получится, конечно.

– И что это даст?

– Когда-то, перед тем как цахоры напали на Лотарию, все орденцы разом завалили Учителя, и он признал себя побежденным. Они хотят сделать это еще раз.

– Но тогда их было сорок, а сейчас?..

Он принялся пересчитывать глазами фигуры орденцев.

– Они считают, что эти шестнадцать человек сильнее тех сорока. И опять же хотят подождать, когда он выдохнется.

– А он ничего не знает?

У Сухмета вдруг лопнуло терпение.

– Слушай, тебе же Стак все это уже растолковал? Потому ты тут и оказался. Чего же еще?

Рубос смущенно отступил на шаг:

– Это у меня нервное.

Сухмет успокоился:

– Вот и я нервничаю. Но держись, иначе он почувствует...

Договорить старик не успел, Стак вдруг резко, на одном вздохе что-то проорал на весь зал, и орденцы с тем оружием, которое было у каждого в руках, бросились на Лотара. Его сразу заслонили от зрителей трое орденцев. Они слышали только вопли, удары, хрипы и тяжелый стук падающих на плиты тел.

Сухмет, уже не скрываясь, посмотрел на окно второго этажа, которое выбрал для наблюдения Ди. Даже с расстояния, что их разделяло, Сухмет без труда увидел выражение изумления и беспомощности на лице фоя. Ди тоже не очень понимал, что происходит в центре схватки.

И вдруг все разом кончилось. Трое орденцев сжимали сломанные ноги, двое пытались самостоятельно вправить вывихнутые или же сломанные руки. Еще семеро лежали без чувств. Трое находились в полном сознании, но, распластав руки по плитам, признали, что были условно убиты, а Стак, прижатый к полу ногой Лотара, хрипел, пытаясь освободиться от душащей цепочки с кошкой на конце. Тренировочный меч драконьего оборотня лежал в десятке шагов в стороне, но на исход боя, он, кажется, влияния не оказал.

Сухмет бросился вперед, подняв руки:

– Господин мой, это была лишь проверка!

Лотар расслабился, опустил руку с цепочкой, которую мерно стягивал, не давая Стаку дышать.

– Я понимаю, что это не попытка переворота.

Шутка не получилась. Уж очень велики были травмы и потери орденцев. Да и Сухмет испугался не на шутку.

Даже Рубос, который давно уже не пытался лезть в дела Ордена, считаясь с их выучкой и со своим возрастом, покачал головой и пробасил:

– Ну, Лотар, так все-таки нельзя. Мне случалось даже на настоящем поле боя с настоящими врагами обходиться мягче.

Лотар увидел его, кивнул. Его лицо, некогда улыбчивое, оставалось теперь по-восточному расслабленным, спокойным и даже слегка хмурым.

– Привет. Ты когда приехал?

– Да пару часов назад.

– И сразу сюда?

– Мне Стак сказал, готовится что-то интересное, я решил посмотреть... Но такого не ожидал.

Лотар посмотрел на ребят, вокруг которых суетились Сухмет, Ди и трое их учеников.

– Да, я как-то не очень удачно работал. – Он поднял голову к небу, вытер пот с подбородка и добавил: – Зато теперь никакие цахоры не захватят нас врасплох и не перебьют моих учеников. Потому что и я и они всегда готовы. Понимаешь?

Рубос кивнул, подошел к Лотару, улыбнулся и похлопал его по плечу. В этом жесте было не меньше опаски, чем дружелюбия. Он не решился обнять старого друга, потому что так и не понял до конца, что тут случилось несколько минут назад. И как Лотару удалось – усталому, по словам Сухмета, – за считанные минуты просто и без затей выключить полтора десятка лучших бойцов континента, если не всего цивилизованного мира.

Лотар все понял. Он уронил цепочку с кошкой, помог Стаку подняться, самолично проверил, нет ли у того сдвига позвонков, и объяснил:

– Я не всегда мог остановиться вовремя.

Стак низко поклонился:

– Я был чрезмерно самонадеян, Учитель. Прошу извинить меня или наказать за глупость.

– Наказания не будет, Стак. Вы все бойцы, а бойцам необходимо качество, которое ты неправильно назвал самонадеянностью. Я называю это уверенностью в своем мастерстве, и без него вы бы немногого стоили. Вот только я... Не всегда мог остановиться.

Он взглянул на хмурого и расстроенного Сухмета, который тоже подошел к ним.

– Трое плохи, остальные через пару недель смогут начать тренироваться.

Лотар вздохнул и посмотрел на солнце:

– Кажется, пора обедать. Сухмет, попроси у всех извинения. Это в самом деле была дурная затея, мне следовало сразу сдаться. – Он начал стягивать куртку, направляясь к небольшому искусственному водопадику, устроенному у дальней стены стадиона. – Пока я буду приводить себя в порядок, накройте стол и ждите меня. Я расскажу вам об одной своей затее.

Глава 2

За столом Лотар просто сидел, думал о чем-то, и по взглядам, которые бросал в его сторону Сухмет, даже последнему ученику академии было ясно, что доступ к мыслям Учителя закрыт.

Это открытие так расстроило Рубоса, что он бросил вилку и стал с раздражением смотреть на тихого, умиротворенного и спокойного Лотара, который сидел рядом с ним в торце не очень длинного стола.

Наконец Лотар вышел из своей задумчивости, оглянулся на Рубоса, взял восточные палочки и поковырялся в рисе.

– У тебя, кажется, нет аппетита? – спросил он.

Рубос, привыкший долго не раздумывать перед тем, как высказаться, буркнул:

– Тут не было бы аппетита и у Шува.

Лотар мягко улыбнулся:

– Как он, кстати?

– Шлет тебе привет.

– Хорошо. – Лотар помолчал. – Хорошо, что такие люди шлют мне привет именно сейчас.

– А сейчас какое-то особенное время, господин мой? – подал голос Сухмет.

Лотар отправил в рот десяток рисинок и принялся усиленно жевать. От негодования Рубос только глаза поднял вверх и покачал головой.

– Не особенно, – ответил Лотар, с довольным видом промокнув губы, словно сжевал баранью ногу. – Просто я готов признать одну вещь. – Он подумал, почертил палочками на столе перед собой. – Я готов признать, что достиг в своем мастерстве потолка и выше, вероятно, уже не поднимусь никогда, сколько бы ни тренировался.

– Ну, того, что я видел сегодня, вполне достаточно любому человеку, – запальчиво прогудел Рубос.

– Все зависит от задачи, – ответил Лотар.

Сухмет от волнения положил себе на тарелку соленые овощи поверх рыбы, вываренной в сладком вине. Лотар хмыкнул, увидев такой гарнир, и продолжил:

– Задача моя довольно сложная.

– Ну-ну? – подбодрил его Стак, которому из-за травмы шеи и горла еще трудно было говорить.

– Я хочу убить Нахаба, – сказал Лотар и снова, взяв палочки, поковырялся в своей тарелке, чтобы не смотреть на собеседников за столом.

Рубос уронил на стол мясной нож, который вертел в пальцах, Сухмет обмяк на своем стуле, как будто разом лишился сил, а Стак привстал, кресло его подалось назад и со страшным грохотом упало на пол.

– Так я и думал, – отчетливо произнес Сухмет. – Именно это я и подозревал с самого начала.

Лотар мельком посмотрел на сотрапезников. Особенно ему не понравилась Мало. Она была одной из немногих, кто уцелел в драке, признав свою условную смерть после трех тычков: в висок, в межключичную ямку и в печень. Сейчас она сидела серая, как невыбеленное льняное полотно.

– Мы потеряем тебя, – сказала она наконец.

Лотар усмехнулся:

– Мы можем потерять кого угодно и когда угодно. Таковы наши судьбы.

– Только не тебя! – попросила Мало, но, осознав, что ее словам не придают никакого значения, поднялась, поклонилась и быстро ушла.

Рубос проводил ее взглядом, полным сострадания.

– Она права, мы потеряем тебя.

– Главное – не смерть, – ответил Лотар. – Главное – достижение цели.

– А твоя цель какова – наиболее эффективно покончить с собой?

– Я давно думал, как устранить из этого мира архидемона. – Желтоголовый слабо усмехнулся. – Думал-то давно, да вот никак не мог признать, что пора действовать. Надеялся подработать то прием, то связку, то отшлифовать какую-нибудь комбинацию... Сегодня мне стало ясно: я готов. – Он повернулся к Стаку, который снова сел на свое место. – Вы помогли мне в этом.

– Если бы я знал... – Стак беспомощно развел руками.

– Нет, нет, все правильно. Вы оказали мне серьезную услугу.

– Подождите! – закричал Сухмет и поднял руку вверх. – Это не просто трудно, это невозможно. Понимаешь, господин, это невозможно!

– Почему? – Лотар спокойно повернулся к старику. Тот не стал сразу отвечать. И тогда Желтоголовый продолжил: – Он устроил нападение на Западный континент, который медленно, но верно – не без моей помощи, могу признать, – освобождался от засилья его слуг. Мы разрушили его планы и даже устранили Жалына. Тогда он послал цахоров. Они истребили большую часть моих учеников, и мы победили такой ценой, которая и сейчас заставляет меня...

Он опустил голову.

– Это понятно, – сказал Рубос. – Мы все это знаем.

– Он враг мне и моему делу, – сказал Лотар, справившись с собой. – Мы – враги, и что может быть естественнее, чем выяснение отношений между врагами в прямом поединке? – Ему никто не ответил. – Вот почему я подготовился и намерен отправиться туда, где он находится. И если Кроссу будет угодно, я убью его. Пришла пора ему умереть.

– Это невозможно, – твердо сказал Сухмет. Теперь он справился с волнением и стал так же холоден и рассудочен, как Лотар.

В уголках глаз Лотара появились крохотные морщинки.

– Ну хоть признай, что это очень трудно.

– Невозможно, – вдруг отчеканил Ди. – Дело в том, что Нахаб не живет на одном месте, и ты не можешь к нему отправиться, Учитель. Он живет в замке, который перелетает с места на место каждую полночь. И следующее место его появления не может предсказать даже Яйцо Несбывшегося.

Лотар повел подбородком влево:

– А если я просто вызову его на бой?

– Тоже нет, господин мой. В мире столько претендентов на его место... Если бы они имели привычку принимать каждый вызов, то архидемоны менялись бы раз в неделю. Ты представь себе тех, кем он повелевает, представь его слуг, и тебе все станет ясно.

Сухмет был убедителен, как никогда.

– Хорошо. Тогда нужно идти в этот его летающий замок...

– Неужели ты не понимаешь, что это тоже защита от претендентов? И притом самая эффективная. – Он нервно постучал пальцами по столу, дернул за золотой ошейник раба, который, если говорить честно, давно носил не по праву, а в память о своем первом господине – легендарном Харисмусе.

– погоди. Как я понимаю, архидемон управляет или пытается, по крайней мере, управлять всем миром зла. Он должен получать информацию, чтобы отдавать приказы...

– Чтобы выслушивать доклады, нет необходимости принимать гонцов. Он может принимать их, используя дальнослушание, или, что вернее, у него есть коммуникационные машины, которые накапливают в его замке всю информацию, а он выуживает оттуда все, что ему нужно, принимает решения и ведет дела, – веско сказал Ди.

Лотар внимательно посмотрел на него:

– Чтобы принимать доклады, да еще с помощью дальнослушания, летящий замок – не выход. Ты просто не сможешь каждый день сообщать даже жизненно важную информацию, если меняются условия связи, меняется место. Для надежной связи нужны стационарные, раз и навсегда отработанные каналы. Кроме того, я думаю, он не обходится рассеянной сетью своих соглядатаев и исполнителей. Должны быть еще и гонцы, дублирующие наиболее сложные послания, должны быть склады и магазины, куда свозят материальные средства его власти, нужны лаборатории, где проводят магические эксперименты, и нужны тюрьмы, где обрабатывают непокорных... Я некоторое время был администратором и могу сказать, что это непросто. Если учесть масштабы его деятельности, мало города, подобного Лотарии. Но главное все-таки – информация, сведения, доклады, архивы и самая рутинная канцелярщина. Полагаю, для этого должно быть постоянное место, и оно у него есть. Иначе слишком велика возможность ошибок и сбоев.

Фой чуть растерянно посмотрел на своего учителя – Сухмета. Старый восточник вздохнул и вмешался:

– Ты прав, рассеянной сетью с меняющимися каналами он не обходится. Нужна канцелярия, и такое место действительно есть. По одной довольно старой легенде, в центре мира существует замок, где последние семьсот-восемьсот лет сидит некогда очень сильный серый волшебник Хифероа. Он как раз был мастером по информационным и коммуникативным машинам, и именно они получают, накапливают, обрабатывают, а потом уже пересылают обработанную информацию дальше, на приемники замка Нахаба.

– В центре мира? – переспросил Рубос. – Это там, где сходятся четыре континента и вздымаются горы, на которых не тают снега?

Сухмет по-фойски кивнул:

– Именно там. – Он подумал, потом добавил: – По легенде, когда-то Нахаб был именно тем существом, которое построило эту крепость. Потом он решил сам править, сверг предыдущего архидемона и принял этот титул по праву сильнейшего. Но чтобы с ним не повторилась та же история, сделал свой новый замок летающим и недостижимым.

– Но входы в этот замок существуют? – спросил Лотар. – Что-нибудь подобное транспортным каналам, только гибким, чтобы они прорастали на каждое новое место, куда в полночь переносится этот его замок?

– Каналов нет. Чтобы не было искушения, Нахаб замуровал последний, по которому прошел сам.

– Но пища, вода, топливо для каминов, наконец! – не выдержал Стак.

– Время от времени замок попадает в такое место, где все это для него заготовлено. И поверь мне, ему переправляют не только топливо для каминов, но и многое другое, что делает жизнь Нахаба приятной и очень удобной. – Сухмет вздохнул: – Этим объясняется, в частности, исчезновение из нашего мира многих и многих шедевров искусства, да и просто редких вещей. По мнению старых летописцев, Нахаб был страшным барахольщиком, не думаю, что его характер изменился за те три тысячелетия, которые он правит.

– И он никогда оттуда не выходит? – спросил для верности Рубос, который любил по армейской привычке все не раз переуточнять.

– Никогда, – подтвердил Ди. – В этом просто нет надобности.

– А птица Сроф? – спросил Лотар.

– Птица выполняет роль единственного гонца, который может безошибочно прилетать туда, где этот замок появляется.

– Значит, если проследить... – начал было Лотар.

– Это невозможно. Птица Сроф – самое быстрое существо в мире. Она способна облететь наш мир за сутки и даже быстрее. К тому же она далеко не безопасна и безусловно предана своему господину. Это, повторяю, единственный гонец, специально задуманный и выведенный для того, чтобы, как ты, господин, сказал, дублировать самые важные послания и донесения.

– Если она так уникальна, как ты говоришь, – задумчиво проговорил Лотар, – странно, что она оказалась тогда в Ашмилоне.

– Значит, исход твоего поединка с Нуриманом интересовал архидемона, – отозвался Сухмет.

– То есть он знал о моем появлении из пустыни? – спросил Желтоголовый.

– Скажем так: ты возник не просто по совпадению непредсказуемых случайностей. Но тут мы приближаемся уже к такой запредельной для нашего понимания игре космических сил, что даже я ощущаю желание отступить перед ними.

Лотар посмотрел на Сухмета насмешливо. Он не понимал, что скрывается за этой восточной велеречивостью – боязнь затронуть космические силы или нежелание объяснять сложные и деликатные предметы несведущему в космогонии профану.

– Значит, у меня нет возможности встретиться с Нахабом?

– Ты понял правильно, господин, – кивнул Сухмет.

– Потому что он живет в летающем замке, куда я не смогу проникнуть, а сам Нахаб оттуда не выходит, потому что замуровал единственный подпространственный переход, по которому сам вошел в этот замок?

– Вот именно, – отозвался старый восточник.

Лотар улыбнулся и подвинул к себе чашу с разбавленным яблочным сидром, показывая, что сыт.

– Это я все и сам вычитал в твоих книгах, Сухмет. И это было бы правдой, если бы я своими глазами не видел, как архидемон, по крайней мере один раз, вышел из своего замка.

– Когда? – спросил Рубос.

– Когда отдавал приказ цахорам убить меня. Если ты помнишь, он собрал их в храме птицы Сроф в Поднебесной, и это доказывает, что вход в его летающий и якобы неприступный замок все-таки существует.

Глава 3

– Это ничего не значит, – громко сказал Рубос и стал наверстывать упущенное, громко стуча ножом о тарелку. – Это могли быть и эфирные эманации.

Сухмет, вознамерившийся было сжевать кусочек яблока, подавился. Лотар посмотрел на Рубоса, и морщинок в уголках его глаз стало больше.

– Ты в этом уверен?

Рубос перестал жевать и кинул косой взгляд на Сухмета.

– А что? Разве такого не бывает?

Сухмет уже вытер случайную слезу и проглотил-таки злосчастный кусок яблока.

– Ты просто хотел сказать, что это могли быть фантомы. Дело в том, Рубос, что эфирная эманация, конечно, бывает, но это что-то такое сложное, что даже я затрудняюсь представить себе.

– Почему? – спросил Рубос.

Среди присутствующих он был, кажется, единственным, кто никогда не пытался обучиться даже азам магии.

– Эфирные сущности – эманации чего-то более плотного, – сдержанно пояснил Ди, – и не могут иметь своих эманаций, как зеркало не способно ничего отразить без исходного предмета.

– Это все детали. Главное, что вы меня поняли.

Обстановка за столом немного разрядилась. Исчезло предубеждение против затей Лотара, исчезла напряженность, каждый был внутренне готов хотя бы теоретически рассмотреть проблему.

Лотар кивнул:

– Мы поняли тебя, Рубос. – Он подумал, помешал сидр в кружке, отставил в сторону. – Можно мне вишневого компота? (Стак сорвался с места, словно пущенная стрела.) Только это не были какие-то эманации. Я видел телесное воплощение живых существ, даже я такое чувствую.

Сухмет горестно вздохнул, вытер руки от яблочного сока. Рубос с удивлением понял, что обед в этом доме подошел к концу. Он поневоле подумал, что с дороги у него еще кое-что осталось в продуктовом сундучке, и решил больше не раздражать хозяев. Да, очень все тут изменилось за последние два-три года, и ведь он тут бывал, но как-то наездами, и только сейчас почувствовал все изменения.

– Да, они были живыми, – согласился Ди. – И это загадка.

– Ну вот. Значит, вход есть, как есть и возможность попасть туда. Нужно думать, читать. Вот и думайте, – очень мягко сказал Лотар. – Кстати, Ди, где именно находилась голова Сроф, когда ты сделал свою потрясающую запись?

– У нас в столице Поднебесной есть несколько храмов, которые относятся, так сказать, к малопочитаемым культам. Один из них посвящен Сроф. – Он подумал, но не над вопросом, а над тем, что за ним стояло, и добавил: – Нет, это нам ничего не даст. Если он даже свой дом таскает, как улитка, то вполне может никогда не появляться в таком месте второй раз.

Сухмет кивнул и не без гордости посмотрел на них. В последнее время он очень приязнялся к Ди и не собирался это скрывать.

– Да, пожалуй, – согласился Лотар, принимая из рук Мало компот.

Она появилась вместе со Стаком, судя по всему, ей стало получше, по крайней мере, бледность исчезла. Зато появилась некая отстраненность, и неизвестно, что было хуже.

Года три назад Мало призналась ему в любви и стала его подругой. Через пару месяцев она попросила его жениться на ней, но Лотар отказался. Наверное, потому, что к тому вре-

мени уже решил во что бы то ни стало добраться до архидемона и простодушно полагал, что, исполняя свой план, испортит жизнь девушке. Если бы он лучше понимал природу женской любви, то довел бы ситуацию до логического завершения.

Потом, когда его тренировки сделались совершенно неистовыми, ее отношение к Желтоголовому немного поостыло, и она снова вернулась в девичью казарму, но старалась всегда находиться где-нибудь поблизости. И Лотар был ей за это благодарен.

Его вывел из задумчивости голос Сухмета:

– Вообще-то, господин мой, у нас есть еще одна проблема. До сих пор я о ней ни разу не заикался, но сейчас поговорить об этом необходимо. Видишь ли, после того как Ди не без твоей помощи избежал нападения Киноза, путешествия по всему Западнему континенту и побережью остальных континентов каждый раз контролируются особо.

Лицо Лотара осталось спокойным, лишь стало чуть более бесстрастным, чем мгновение назад. Рубос, жуя что-то, спросил:

– Что это значит, Сухмет?

– Это значит, почтенный Рубос, если в ком-то или в чем-то накапливается аура дальнего странствия, имеющая характерный зеленый цвет, этот человек, животное или предмет вызывает повышенное внимание соглядатаев нашего врага. Проводится расследование, и результаты уходят наверх.

– Куда?

– Вверх по иерархической цепочке. К существам или сущностям, которые принимают решения.

– Но пару раз я плавал на Северный континент, ходили на дела и другие орденцы, – чуть растерянно проговорил Стак. – И никто ничего не заметил.

Сухмет вздохнул. Ему было трудно говорить с немагом.

– И каждый раз вами занимались соглядатаи врага. К счастью, это были грубые, не очень обученные ребята, которые совершали ошибки. По ошибкам-то я и понял, что ведется слежка.

– Но почему? Зачем это нужно? – спросил Рубос.

Сухмет откинулся на спинку кресла, поднял глаза к потолку и деланно-беспечным тоном проговорил:

– Чтобы никто не сумел незаметно подобраться к жизненно важным центрам той сети, которую на мир накинуд наш враг.

– Или чтобы никто не смог незаметно подобраться к нему самому? – спокойно спросил Лотар.

– Может быть, и так, – согласился Сухмет. – После гибели цахоров, которые, как я недавно понял, поддерживались силой магии, но и сами подпитывали своего господина по немыслимо сложным каналам жизненной энергией, которую отнимали у прочих существ, он стал слабее. У некоторых его друзей, союзников или слуг могла появиться идея, искус... Вот он и обезопасил себя. Скорее всего даже не от тебя, господин мой, а вообще – обезопасил.

Рубос наконец решительно отодвинул свою тарелку и налил в большой кубок вина. Потом разбавил его водой. Раньше за ним такого не было. Возраст, как оказалось, требовал умеренности даже от мирамца.

– Есть возможность обмануть эту слежку? – спросил Лотар.

– Если и есть, я ее еще не придумал. Хотя примерно знаю, что следует делать.

– А именно?

– Нужно идти очень маленькой группой – чем меньше, тем лучше. Без лошадей, предпочтительно порознь...

– Лучше вообще не ходить, – буркнул Рубос.

Сухмет продолжил:

– Нужно как можно чаще сбрасывать ауру зеленого спектра, если получится, даже на посторонних людей: они не испытают никаких неудобств, кроме мимолетного желания прогуляться, навестить родных... Еще можно рассеивать ее между большим числом оседлых жителей, например в городах – там вообще можно так затеряться, что приборы архидемона или его слуги нас не найдут. Следует взять не очень много предметов, потому что предметы тоже накапливают зеленый спектр, а энергии на его подавление нужно много.

– Мне почему-то кажется, – сказал Лотар, – что ты все это вполне сумеешь проделать. И твое заявление, что ты ничего не придумал, неправда.

– Я смогу, но это в любом случае означает, что тебе в бою придется рассчитывать только на себя. Я почти всегда буду вымотанным, и энергии моей не хватит, даже чтобы остановить полет мотылька, как сказано в одном старом трактате.

Лотар вздохнул:

– Я и рассчитывал только на себя. Никого другого я не возьму с собой.

– Как же так, Учитель? – почти вскричал Стак. – Разве не наше дело – быть с тобой?

В зале повисла тишина. Она была такой полной, что слух стал обостряться помимо воли. Через несколько секунд Лотар уже без труда слышал голоса и стук инструментов, которые долетали из Заречья, где строительство ремесленной слободы шло полным ходом даже в вечерние часы. Слышал разговоры речников на пристани, переключку учеников Фехтовальной академии, заканчивающих занятия...

– На этот раз, Стак, вы останетесь дома. И не потому, что маленькая группа пройдет незаметно, а большую засекут и атакуют. Причина еще в том, что ваша помощь не сыграет никакой роли, если все получится так, как я задумал.

– Но, Учитель!..

– Стак, я прошу... Прошу тебя. Это будет бой – если будет, – в котором все решит качество, а не количество.

– Если нужно качество, мы добьемся его. Мы будем тренироваться, как ты, каждый день по восемь-десять часов, мы постигнем ту технику, которую ты изобрел в последнее время, и тогда...

– Это невозможно, – раздельно произнес Рубос. – Стак, тренироваться так, как Лотар, уже тяжело, но еще, может быть, и реально. Но достигнуть того, чего добился он, – нет. Это за пределами человеческих сил. Поэтому я предлагаю: пойдем вдвоем – Лотар, Сухмет и я. И если...

Вдруг прозвучал очень тихий голос Ди. Но его все услышали:

– Я предлагаю все-таки подумать: зачем мы идем?

Рубос решил прояснить ситуацию:

– Видишь ли, Ди, хотелось бы избавить мир от архидемона.

Лотар кивнул:

– Иначе он все равно не оставит нас в покое, так и будет убивать людей и строить козни. Как он убил моих учеников.

– Значит, мы обсуждаем тут всего лишь возможность мести?

– Нет, конечно, – ответил Лотар. – Но если не довести мое дело до конца, оно каким-то образом обесмысливается.

– Неужели ты не понимаешь, Учитель, что на смену ему тут же придет другой такой же?

– Не бывает совсем такого же. И потом, не может быть, чтобы он пришел в тот же миг. Может быть, целое поколение людей будет жить без воплощенного зла. К тому же, когда он придет, те, кто будет после нас, непременно захотят от него избавиться, потому что один раз – нам – это удалось. И они с ним справятся, потому что однажды такое уже было. Может быть, в этом и есть мое дело, а не в том, чтобы создать академию или даже Белый Орден.

– Ты сейчас гораздо отчетливее, чем кто-либо из нас, признал, что победа твоя, как бы дорого за нее ни заплатили, дело временное, – печально, но очень убедительно проговорил Ди.

– Конечно, – неожиданно согласился Лотар. – В силах человека вообще решать лишь временные проблемы. Я не претендую на большее. Я живу в одно время с этим врагом, и я собираюсь справиться со своим врагом. Придут другие люди, пусть они справляются со своими врагами. Это один из принципов жизни. И он вовсе не означает, что я должен бездействовать.

Внезапно Сухмет наклонил голову и хлопнул ладонями по столу:

– Господин мой, я должен признать: ты стал очень хорошо понимать суть воинского искусства.

И тогда Ди, который собрался было что-то возразить, захлопнул рот и задумался. Стало заметно, как он опечален.

Глава 4

В путь они отправились незадолго до полудня, шагая по главной дороге, раскланиваясь с горожанами, которые при встрече с Лотаром почтительно снимали шапки. Немного – с милю – с ними вместе прошла и Мало. Она почти по-детски норовила держать Лотара за руку. Когда он вынул свою руку из ее горячих пальцев, она вздохнула, на прощание сделала перед Лотаром охранный жест Кросса, а потом пошла назад. Сухмет прошептал очень спокойно:

– Она считает, что никогда больше тебя не увидит, господин мой.

Лотар кивнул, повернулся и стал догонять Рубоса. Тот шел рядом с Ди, и они рассуждали о понятиях «зрелость» и «старость» в западных странах и в Поднебесной. В последнее время такие умозрительные проблемы стали весьма интересовать Рубоса.

На привале Рубос вдруг заметил в Сухмете странные перемены и, прожевав свой кусок, заинтересованно спросил:

– Сухмет, я не вижу на тебе Утгеллы. Или ты достиг такого совершенства, что умеешь ее уменьшать до размеров кинжала?

В самом деле, на Сухмете не было никакого оружия, только на поясе болтался скромный нож, подходящий больше для еды, чем для боя.

– Утгелла – прекрасная сабля, но она будет слишком заметно накапливать ауру путешествий. И клинком, и своими украшениями. Я пришел к выводу, что тащить ее в этот поход неразумно.

– Ага, понимаю, – глубокомысленно проговорил Рубос. – И по этой же причине ты идешь в простом халате, а не в немыслимой парче, как обычно?

Сухмет подумал и вдруг произнес вполне серьезно:

– Ты прав лишь отчасти, Рубос. Вторая часть правильного ответа в том, что наш друг Ди убедил меня в красоте простоты.

Лотар чуть не подавился сушеным фиником, который в это время жевал.

– Ты уверен? – спросил он. – Уверен, что именно Ди явился для тебя примером, достойным подражания?

Сухмет посмотрел на Лотара, который отправился в путь, как он поступал многие и многие годы, – в самом простом комбинезоне, улыбнулся и ответил:

– Мне ли не знать, что творится в наших головах?

Значит, это была правда – Ди не только учился у восточника, но и заразил его своим аскетизмом. Именно Ди, а не Лотар и не другие достойные учителя, которые были в жизни Сухмета. Потрясающе! Лотар решил присмотреться к отношениям восточника и фоя более внимательно.

Идти с ними рядом было легко и спокойно. Лотар думал о Мало, об их любви, о том, что когда-нибудь, если он выживет, ему будет нужно, чтобы кто-то ждал его возвращения, и тогда он оценит этот дар по достоинству. А пока не следовало нагружать девушку своей судьбой, ей и так досталась чрезмерно тяжелая доля, как у каждого, кто стал орденом и принял свою часть извечной борьбы со злом этого мира.

Ближе к вечеру, когда они уже пересекли границу Лотарии и пора было искать ночлег, Рубос вдруг заволновался, что не оставил распоряжений своему душеприказчику. Его спутники отозвались ехидными замечаниями, но потом выяснилось, что мирамца волновала главным образом судьба четырех жеребцов и пяти кобылок, которых он только что купил у восточного торговца за астрономическую цену. Это было другое дело. Лотар предложил сделать небольшой крюк и зайти в Мирам, чтобы и лошадок посмотреть, и распоряжения

сделать, но Сухмет стал ворчать, что к этому делу следует относиться более серьезно. Рубос приуныл, и они направились к морю гораздо восточнее Мирама.

За Клевинскими горами начались настоящие дороги, сменившие диковинные лесные тропы, и пару раз они даже могли нанять повозки, но Сухмет отказался наотрез. Он и так каждый вечер перед сном по два-три часа сидел, задумчиво глядя то на звезды, то на Запад. За время этих медитаций аура путников ощутимо менялась. Лотару казалось, что он чувствует утечку энергии, но Желтоголовый доверял восточнику, и, судя по тому, какое восхищение эта работа вызывала у Ди, который не отходил от своего учителя ни на шаг, старик все делал правильно.

На корабль они сели в старом порту Сайта, где уже ощущалось дыхание Востока. Тут их ждало небольшое разочарование: плату за проезд им назначили гораздо выше, чем они ожидали, и Ди с неожиданно проснувшимся в нем ехидством даже предложил устроить показательные бои на манер восточных представлений, чтобы заработать, но Рубос сделал проще. Он отправился в местные торговые кварталы и через пару часов вернулся с мешком золота и двумя аккредитивными письмами в отделение Мирамского банка в Техеру – порту их назначения.

Плавание прошло с комфортом. Крутобокий неф уверенно нес их по волнам, которые с шипением откатывались назад. Сидение в каюте, которую им выделил капитан, казалось просто бездельем в павильончике над морем, каких довольно много стали строить в Мираме новоявленные богачи. Сухмет и тут работал как заведенный. Глядя на него, Лотар чувствовал себя не очень уютно, но тренироваться на палубе не решался. Да и Рубос не советовал:

– Я далек от того, чтобы считать матросов, этих просоленных кочерыжек, которых лишь случайно принимают за нормальных людей, серьезными воинами, но стоит тебе, Лотар, даже перед ними помахать мечом с четверть часа, как они тебя тут же признают. Тем более что тренировочного меча при тебе нет, и придется работать Гвинедом, а уж о нем-то легенд в последнее время придумали столько, что любой мальчишка его узнает с первого взгляда.

– Неужели? – искренне удивился Лотар.

– Ну, как тебе объяснить? – прищурился от яркого солнышка, льющего в узкие корабельные окошки, Рубос. – В наших краях довольно редки настоящие восточные мечи, ты разве этого не замечал?

Пришлось Лотару проводить время в медитациях, чтобы не терять сноровку. Конечно, тренировка, проделанная в сознании, – совсем не то, что настоящая работа в додзе, но лучшего он придумать не смог.

Желтоголовый надеялся, что пираты, паруса которых пару раз показывались на горизонте, пойдут в атаку и он сможет поработать с мечом в ситуации, приближенной к настоящей, но подозрительные корабли уходили за горизонт или прятались в складках берега, не делая ни малейшей попытки приблизиться. Сухмет объяснил это так:

– У главарей хватает ума не просто держать на борту колдунов, но и слушать их советы.

– Они что, узнали, что я на борту? – забеспокоился Лотар.

– Нет, не думаю. Просто звезды, или кости, или что-то еще, по чему тут принято гадать, предсказывают неприятности. На тебя это, будем надеяться, не указывает, господин мой.

Лотар успокоился.

В Техеру – большом и очень пыльном городе, где удивительно смешалось множество стилей, народов и цивилизаций, – Сухмет вздохнул с облегчением. Он сумел каким-то очень сложным трюком – суть которого не понял никто, даже, кажется, он сам – рассеять их ауру путешественников между жителями относительно благополучных кварталов города, и теперь треть оставшейся дороги до центра мира, который находился от Техеру не более чем в месяце пути, мог об этой проблеме не думать.

В радужном настроении, удивляясь тому, что все у них пока получается в высшей степени удачно, они и отправились в Бахару – столицу мира, как иногда местные жители хвастливо называли этот действительно древний восточный мегаполис. Он располагался в центре небольшого пустынного полуострова, отходящего от соединяющей все четыре континента мощной перемычки, примерно по четыреста миль от края до края, густо покрытой высокими, большей частью необитаемыми горами.

В Бахару они запаслись провиантом и, по совету Ди, некогда проходившего этот город по пути из Поднебесной в Лотарию, даже передохнули пять дней. Впереди их ждали пустыни, горы, снега и вполне вероятная перспектива ничего не найти там, куда они направлялись. Сухмет выяснил на рынке, Рубос – в местном купеческом сообществе, а Лотар – в библиотеке местного медресе, что центром мира разные люди называли совершенно разные точки. Таким образом, место, которое требовалось исследовать, становилось широким, как тень ночи, по образному выражению Ди.

В путь они отправились довольно весело. И лишь к исходу второго дня настроение вдруг испортилось. Начало этому положил Сухмет. Провозившись, по своему обыкновению, с их «зеленью», как он называл теперь их ауры, он лег на свое одеяло и, глядя на звезды, произнес:

- Завтра что-то произойдет.
- Горы начнутся, – предположил Рубос.
- Нет, что-то еще.

Он пролежал почти полчаса, серьезно раздумывая об их ближайшем будущем, потом вдруг так же уверенно произнес:

- Только не пускайте в ход оружие, иначе нас распознают и все рухнет.
- Что именно рухнет? – снова спросил Рубос.
- Наше предназначение. Нас просто не пустят дальше какого-то барьера, который установят, если узнают. А так... Эта неприятность из тех, которые сами потом и рассеиваются.

Лотар решил не вставать со своей подстилки, что бы ни произошло. Но подняться все-таки пришлось, когда грязный и грубый сапог воткнулся ему под ребра и зычный простуженный голос произнес с сильным восточным акцентом на северном койне:

- А ну вставай, отродье! Вы прибыли по назначению.

Это оказалась небольшая кучка грабителей, человек тридцать. Скорее даже крестьян, которые решили подработать на большой дороге.

Лотар, конечно, почувствовал их задолго до того, как они, думая, что остаются незамеченными, стали вытаскивать из-под рук якобы спящих путников оружие. Но, помня о предупреждении Сухмета, никто не шевельнулся. И Желтоголовый был вынужден наблюдать, как его Гвинед, прищурившись, крутил в грязных неумелых руках какой-то бородач.

Их согнали в кучу, обыскали, надавав обидных пинков. Рубос попытался было возмутиться и даже пару раз заехал обидчикам в ухо. Разбойники первым делом принялись за еду, которую Сухмет заготовил на две недели пути.

Когда от еды остались лишь воспоминания, их связали и под улюлюканье куда-то повели. Деньги, от которых за время путешествия от Сайты осталось не так уж много, привели разбойников в восторг.

Они шагали два дня и, в общем, в нужном направлении. Плохо было только то, что воды им давали очень мало, а есть не давали вовсе, и поэтому, когда они пришли в деревеньку, состоящую из пяти десятков глинобитных хижин, Лотар и его спутники представляли собой весьма печальное зрелище.

Их бросили в глубокий и сырой подвал, в котором не было ничего, даже крыс. Рубос, который кипел от гнева больше, чем остальные, не удержался и спросил Сухмета:

- Ну и как мы из этой передраги выберемся?

– Да ладно, – миролюбиво произнес старик. – Это не настоящие разбойники, справимся как-нибудь.

Третий день их снова продержали без кормежки. Правда, воды на этот раз принесли много, но она была коричневой и такой отвратительной на вкус, что даже Лотар, кажется, был не прочь размешать в ней изрядную долю вина. Но вина, конечно, не было, и пришлось ему пить противную воду, лишь мысленно превращая ее в свой любимый вишневый компот.

Когда совсем стемнело, их позвали к предводителю разбойников. Им оказался тот самый бородач, который забрал себе Гвинед. Теперь он сидел на старом, драном одеяле во дворе низкого дома с плоской крышей с пиалой чая в руках, окруженный десятком помощников.

– Как вас зовут, путники?

Лотар, которому связали сзади руки, представил, как он, нарастив мускулы, разрывает путы, а потом разделявает всю эту ватагу под орех, но ответил вполне миролюбиво:

– Имена наши не имеют значения. Давай сразу перейдем к делу. Скажи лучше, чего ты хочешь?

Бородач удивился. Или сделал вид, что удивился:

– Ну, если ты такой отважный, ладно, я признаюсь тебе, что меня зовут Азмир. И я хочу получить за вас жирный выкуп. – Чтобы у Лотара не осталось сомнений, он пояснил: – Золотом.

Желтоголовый пожал плечами:

– Идем мы издалека, знакомых поблизости нет, так что выкупа ты скорее всего не получишь.

Тут один не в меру пылкий дуралей попробовал ударить Лотара, однако Желтоголовому это стало надоедать. Советы советами, но пора и честь знать. Одним ударом ноги в шею он вырубил наглеца, а потом сказал, глядя Азмиру в глаза:

– И прикажи твоим храбрецам держать себя в руках, ведь всякое может случиться.

– Например? – стараясь выглядеть уверенным, спросил Азмир.

– Например, твои веревки окажутся гнилыми. – С этими словами Рубос, которого тоже связали, вдруг, почти не напрягая рук, разорвал свои путы и стал неторопливо растирать запястья.

Азмир что-то прокричал. Десяток вояк, почти мальчишек, тут же ввалились во двор дома с маленькими восточными луками, взяли пленников под прицел, но Лотар, который, не трансмутируя, разорвать веревку не мог, заявил:

– Значит, так, без еды разговор не получится.

Азмир еще раз выкрикнул что-то со злобой. Их отвели в тот же подвал, но часа через два принесли свежеспеченные лепешки, сыр и пучок странноватой, но удивительно вкусной зелени. Даже вода в кувшине стала чуть лучше.

А совсем за полночь Азмир уже один, без мальчишек с луками, спустился к ним, чтобы поговорить. Оглядев стены и зябко дернув плечом, он присел на ближайший пук соломы, которую пленным бросили вместо постелей, и проговорил:

– После нашего разговора во дворе моего дома я много думал.

– И к чему это тебя привело? – обеспокоенно спросил Рубос.

– Вот что меня удивляет... С самого начала удивляло: почему вы не бились? Вы ведь не испугались даже?

Лотар почувствовал мгновенное напряжение Сухмета. Это он навязал им правила игры, предложив не пускать в ход оружие. А так как Азмир обращался к нему, безошибочно посчитав его главным, Желтоголовый ответил:

– Мы ищем путь к центру мира, дали обет не применять оружие, пока не найдем его.

Азмир удивился:

– Разве так можно – не применять оружие? А для спасения своих жизней?

– От вас, что ли? – с презрением спросил Рубос.

Но Лотар осадил его взглядом и ответил:

– Мы и без оружия сильнее, чем вся твоя кодла с мечами. Это ведь только крестьянам кажется, что меч делает воина.

Азмир вытер вдруг выступивший на его бровях пот.

– А разве не так?

Лотар рассмеялся:

– Ну, вот ты и ответил на свой вопрос.

Азмир подумал. Потянулся, отхлебнул из глиняного кувшина, в котором пленным принесли воду.

– А что находится в центре мира?

Это было уже по части Сухмета. И старик произнес:

– Ничего, а может быть, что-то.

Азмир посмотрел на него. Его восточные, чуть навывкате глаза блеснули как темные драгоценные камни в свете единственной масляной лампы, которая больше коптила, чем светила.

– Я слышал, что неподалеку от центра стоит дворец Повелителя царей. Колдуна, которого никто не видел, – Хиферу. Но я там был раз двадцать и никакого дворца не увидел. Хотя, что и говорить, странное это место. Иногда таких... шайтанов встретишь, что потом не можешь спать по ночам.

Сухмет сразу заинтересовался:

– Мы, собственно, ищем колдуна, которого зовут Хифероа. Без сомнения, это тот же человек, которого ты величаешь Повелителем царей. Ты знаешь это место?

Азмир думал о чем-то другом и не сразу понял:

– Какое?

– Центр мира, – пояснил ему Рубос тоном, от которого хотелось встать по стойке, как на плацу, и отрапортовать громко и внятно.

– От деда узнал, другого и быть не может. – Азмир подумал немного, а потом сам спросил: – А кто сказал, что я вас отпускаю?

Глаза Лотара стали спокойными, как будто он любовался прудом в тихий осенний день.

– Не будешь же держать? Вы нас всей деревней не прокормите.

– Ну, я могу заставить вас отработать все, что вы сожрете. – В голосе Азмира появилась запальчивость.

– Отработать? Как? – Рубос даже наклонился, чтобы в скудном свете увидеть лицо предводителя разбойников.

– Вы все вполне сможете быть разбойниками...

Хохот в четыре здоровые глотки заставил стражников заглянуть в подвал. – Нет, – покачал головой Сухмет, – разбойниками мы не будем. Да и тебе не советую.

Азмир от этого смеха насупился, но ругаться не стал.

– Почему?

Лотар пояснил:

– Плохо кончишь, удача пока была с тобой, но теперь скорее всего все кончится.

Азмир стал подниматься по вырубленным в глине ступеням. Рубос прокричал ему вслед:

– Сам посуди, какой из тебя разбойник? Ты даже меч держишь, как грабли...

Укладываясь спать, Сухмет спросил, ни к кому особенно не обращаясь:

– Может, мы зря его так? У него есть самоуважение, а мы с ним, словно с мулом в ярме?

– У него-то самоуважение? – переспросил Рубос. – То-то он занимается грабежом...

Лотар хмыкнул:

– В тебе говорит бывший охранник караванов, Рубос. Ты не считаешь бандита за человека. А для большинства на этих землях грабеж – нормальная хозяйственная деятельность, и многие женщины даже рассчитывают на это как на законный приработок своих мужей.

– Нет, я так думать не могу, – ответил Рубос, подумал и добавил: – И другим не советую. Видишь ли, Лотар, мир меняется.

Ди сухим смешком дал понять, насколько мало он в это верит. Ему, фою, представителю и выученику цивилизации, пережившей за три тысячи лет разное, это было простиительно.

Поутру дверь наверху снова заскрипела. И слышался шепот Азмира:

– Вставайте, стражников я отпустил.

Лотар, а за ним и Рубос быстро, по-военному, поднялись к разбойнику. Он держал собранные в охапку мечи, дорожные сумки, даже одеяла и фляги для воды.

– Берите оружие и давайте отправляться в путь. Только скорее, пока никто не проснулся. Я вас провожу.

– Куда? – не понял Рубос, с удовольствием затягивая на себе перевязь с огромным гурхорским ятаганом.

– К центру мира.

– А что ты скажешь своим людям? – спросил нежданного освободителя Лотар, с не меньшим удовольствием, чем мирамец, ощущая за плечом тяжелое, мерное покачивание Гвинеды, а у пояса – дружескую твердость Акифа.

– Им вообще знать ни о чем не нужно.

– А деньги? – спросил Сухмет.

– Нет, деньги я взять не смог, они останутся тут. Иначе будет погоня.

– Я не о том. Все-таки ты тут предводитель, у тебя должна быть казна.

– Какая казна, едва на хлеб хватало. Кстати, за то, что я вас провожу, вам придется кормить меня.

– Кормить? – удивился Рубос. – А чем? Что ты нам оставил?

– Я выполню свою работу, а вы – свою, – вздумал упорствовать Азмир.

Лотара это вполне устраивало.

– Хорошо, не спорьте. Найдем, как прокормиться. Ди, ты готов?

Но он мог бы и не спрашивать. Фой уже стоял за плечом Сухмета и поправлял своему учителю ворот халата. На миг блеснуло золото старого ошейника. Глаза Азмира чуть не вылезли из орбит.

– Как же так? – Он оглянулся на Лотара.

– Видишь ли, – проговорил Сухмет, – чтобы не искушать понапрасну, я сделал его невидимым.

– А ты и купился, – поддел разбойника Рубос.

– Все к лучшему, – завершил дискуссию Лотар. – В путь, мы и так тут изрядно задержались.

Глава 5

Горы, снег и постоянный свистящий ветер – вот каким оказался подход к центру мира.

Лотар даже не ожидал, что ему придется так разочароваться в себе, он чувствовал головокружение, странные спазмы в животе и слабость в руках. Сухмет пояснил, что это признаки высокогорной болезни, но Лотар уже не раз во время своих скитаний поднимался очень высоко в горы, и почти всегда такие приступы бывали слабее, а тут... Это были скорее всего признаки какого-то магического испытания, вроде колокольчиков, которые предупреждают об угрозе. Вот только ничего угрожающего пока не было заметно.

Впрочем, колокольчики тоже тренькали. В первый раз Желтоголовый услышал их, когда путники переправились через бездонный узкий каньон, образованный, вероятно, рекой. Но саму реку путники не увидели, она была закрыта то ли туманом, то ли облаком мельчайшей водяной пыли.

Но и после переправы колокольчики не стихли. Лотар озибался по сторонам весь день до самого вечера, но так и не понял, почему они звенят. И лишь темнота выдала причину – белые волки. Большая, голов в сорок, стая зверей с глазами, горящими от голода и предчувствия драки, шла по их следу.

Лотар тут же послал сигнал предупреждения Сухмету. Восточник обследовал неожиданных противников и их ауры и объявил, что нападать они решили под утро. Это развеселило Рубоса. Его позабавило, что им известно о намерениях хищников, которые даже и не предполагают, на кого собираются напасть. Конечно, это была реакция усталости. Тяжелеющий, мало тренирующийся в последнее время Рубос попросту стал незаметно сдавать.

Лотара стая волков вдруг задела за живое. На первой же относительно ровной площадке, по колено засыпанной снегом и обдуваемой всеми ветрами, он сел в позу медитации и попробовал войти в сознание какой-нибудь из этих зверюг. Ему попалась очень мощная, весом фунтов в четыреста, самка с тяжелыми челюстями. Волчица всякого повидала на своем веку, умела выжить в любых передрыгах и горела неистовым, слепым желанием защитить свою стаю, в которой многие были ее детьми или потомками ее детей. Такого зверя ничто не могло остановить, только смерть.

Лотар предложил ей подойти ближе и посмотреть на него. Она приблизилась, ее сверкающие зелено-желтым огнем глаза оказались на расстоянии локтей двадцати.

Краем сознания Лотар почувствовал, что все его спутники затаили дыхание, пытаясь понять, что происходит. И когда волчица уже почти решила, что и в одиночку сумеет справиться с путником, спокойно сидящим всего в паре прыжков, Лотар ментально вдруг обратился в черного дракона.

Он вырастил себе мощную шкуру, по которой скользили бы когти этой жалкой волчицы, создал мощную голову с челюстями, способными перемалывать хребты самых сильных волков, словно тростинки, сделал себе лапы с длинными, кривыми и острыми, как сабли, когтями... И он наполнил себя голодом, желанием разрушать, рвать, мять, пожирать горячее, сочащееся кровью волчье мясо...

Волки в панике исчезли, но больше всего перепугался Азмир. Впрочем, он быстро успокоился, решив, что Лотар великий колдун, который умеет говорить с животными. Никто не стал его разуверять.

Путники шли еще несколько дней. Вернее, не столько шли, сколько ползли в этом яростном, ледяном, сверкающем тысячами ослепительных бликов аду.

Лотару пришлось нарастить на глаза темную, не пропускающую умопомрачительного сияния снега пленку. Рубос и Азмир опустили на глаза плотные тканевые повязки и все равно видели через них достаточно, их не нужно было вести. Сухмет так сузил разрез глаз и зрачки,

что шел, высоко подняв голову, нимало не заботясь о снежной слепоте. Ди оказался самым цивилизованным: на привале он достал темную пластинку из стекла, прокоптил ее на костре и сплел из толстых нитей своей шапочки особую повязочку, которая удерживала стекло на глазах не хуже самой удобной оправы.

Еды осталось мало, и, если бы Сухмет заранее не приготовил одно из своих снадобий, поддерживающих силы, они уже давно ослабели бы. Это была смесь из мелко нарезанного чеснока, черных жирных бобов, растертых в порошок, волокон сухого рыбьего мяса и засахарившегося меда – совершенно немыслимая на вкус. Чувство голода она не утоляла, но, проглотив горсть этой мешанины с пригоршней снега вместо воды, можно было идти без лишних привалов.

Наконец наступил миг, когда Азмир, который на этот раз выбился вперед, подошел к высокому пику, торчавшему словно примятый колпак на голове городского шута, остановился и произнес:

– Мы пришли.

– Что? – переспросил Рубос.

Азмир оказался слабее всех. Он устал даже больше, чем почтенный Сухмет, и сразу же разложил одеяло на ближайшей обледенелой глыбе, уселся и снял повязку. На его лице, потемневшем от горного солнца, ярко выделялась белая полоса вокруг глаз.

Лотар осмотрелся. Они стояли на высоком куполе, как бы вырастающем из довольно правильного, словно лезвие гигантского меча, горного хребта. Колпак, который венчал эту голову, возносился вверх на сотни футов монолитной скалой. А в клубящихся тучах скрывались уходящие под самое небо вершины.

– Ты уверен? – спросил Желтоголовый.

Азмир обнажил в кривой усмешке неровные желтые зубы:

– Не был бы уверен – не говорил бы.

Лотар осмотрелся. Совершенно определенно никакого замка тут не было. Он растерянно оглянулся на Рубоса, на Сухмета. Старик был спокоен, непонятно, на что он надеялся.

– Ну, и что будем делать? – спросил он.

– Нужно посидеть, подумать, – ответил Сухмет. – Ты же сам говорил мне, что чувствуешь это.

– Что это? – спросил Рубос.

Но Лотар уже понял. Сухмет имел в виду пресловутое Лотарово головокружение, слабость, какую-то юношескую неуверенность... Конечно, это не горная болезнь, а что-то иное. Сухмет подумал и пояснил скорее не Рубосу, а самому себе:

– Вероятно, это можно определить как несовпадение видимости и явности.

Они расположились на ночлег рано, решив дать наконец отдых измученным мускулам. Расслабиться после долгого перехода было приятно, но Лотар все-таки никак не мог примириться с тем, что они ничего не нашли. Это его так озаботило, что он даже не обратил внимания на колокольчики и опомнился, только когда в десяти футах из туманной мглы наступающей ночи вдруг выплыла морда давешней белой волчицы.

Рубос схватился за оружие, даже Сухмет попробовал резко выгнать из своего посоха, как сок из виноградной лозы, какую-то смертоубийственную магию, чтобы отбить внезапное нападение, но... Лотар знал, что это не нападение. Волчица пришла к нему.

Он снова принял позу предельной сосредоточенности и стал обследовать ее сознание. И сразу же понял, что теперь это не просто волчица. Поверх простых и очень ясных импульсов животного в этом теле, мозгу и ауре чувствовалась некая почти неосязаемая «вуаль» какого-то гораздо более разумного и могущественного существа. К тому же Лотара не оставляла мысль, что он встречал это существо, только не понимал, где и когда.

Сосредоточившись, он послал на внутреннем языке первый сигнал:

– Ты кто?

И тогда нежно, словно журчание ручья в июльский день, и ласково, как первый глоток воды после долгой жажды, зазвучал далекий, напевный девичий голос:

– Я – виана, или, говоря по-вашему, фея-охранительница. Зовут меня... – Она сделала паузу; как и все магические существа, она трепетала, когда нужно было назвать личное имя – даже не секретное, а явное: – Ду-Лиа.

Лотар вспомнил: вианами называли существа, не имеющие ни формы, ни тела, ни особой силы... О них мечтал каждый из великих колдунов, потому что, пока виана с тобой, тебе практически ничто не грозит. Практически никакая сила в мире не способна нанести вред тому, кого взяла под свою опеку виана.

Никто не знал, когда и как действуют вианы. Лотар вообще считал, что это сказки, досужие бредни тех, кто никогда никакой магией всерьез не занимался, но вот оказалось, он ошибался.

– Твой голос я когда-то уже слышал...

– В прошлый раз мы разговаривали, когда я была в теле слониhi, глупой и запуганной, но она помогла тебе в бою с мантикорой.

Лотар тут же вспомнил горячие белые камни оазиса Беклем, мантикору, запах своей смерти, который забивал ноздри, как колючий песок...

– Значит, это была ты?

– Мне тогда казалось, без меня ты не победишь. Я еще не раз приближалась к тебе, но ты этого не чувствовал... Я старалась, чтобы это было неясно.

– Например? – спросил Лотар, концентрируя свое внимание на способности видеть давно происшедшие события, словно они произошли только сейчас, минуту или две назад...

И тогда он вспомнил: Клетка Планы, за его плечом странно поет неизвестная птица, а ему предстоит первая битва с цахорами... И еще он вдруг вспомнил старушку, которая хотела то ли угнать их лошадей, когда они пытались раскрыть заговор Гергоса из Мирама, то ли в самом деле охраняла их...

– Довольно, я верю тебе.

Виана вдруг развеселилась:

– Это меня утешает.

– Как ты оказалась в теле волчицы?

– Так же, как оказываюсь в телах других существ, если они не слишком разумны. Их интеллект мне мешает. Ты же знаешь, я не существую сама по себе.

Краем сознания Лотар попросил Кросса помочь ему добиться дружбы того существа, которое теперь смотрело на него через желтые волчьи глаза, и задал следующий вопрос:

– Она из стаи, которую я прогнал?

– Да. И то, что ты сделал, было правильно. Я объяснила им, что это лишь малая часть выкупа, который ты мог бы с них взять, и взяла себе волчицу без труда.

– Я не воюю с животными...

Внезапно в их разговор вмешался надтреснутый голосок Сухмета. Он, разумеется, уже давно слушал, о чем они говорили:

– Высокоchtимая и Всесильная госпожа, должен напомнить тебе – не воюю, пока не голоден.

«Вот это да, – подумал Лотар, – он величает эту фею так, как коронованных особ никогда не величал. Что это значит?»

Виана снова усмехнулась. Она оказалась очень веселой особой. На волчьей морде это отразилось мало, но все-таки колючее выражение ее глаз смягчилось, а напряжение в лапах ослабло.

– Если бы ты расправился с волками, это было бы невозможно, – добавила Ду-Лиа.

– Не понимаю.

«Я тоже не понимаю», – мысленно добавил Сухмет.

Ду-Лиан разочарованно проговорила:

– Я не берусь объяснить; вы не понимаете логики животных, но это было бы невозможно.

Почему-то сейчас, в состоянии сосредоточенности, Лотар ни о чем другом думать не мог. Он спросил снова:

– Они не дали бы тебе тело волчицы?

– Нет. Я могла бы его и так забрать.

– Может, они не навели бы тебя на нас? – спросил Сухмет.

– Я плохо ориентируюсь в этом мире, но тебя, Желтоголовый, чувствую всегда.

Так, кажется, они оказались перед неразрешимой загадкой, не стоило тратить на нее силы. Лотар решил просто поменять тему:

– Ду-Лиан, почему я?

– Это долг.

– Если это долг, почему я раньше ничего об этом даже не подозревал?

Виана стала слегка уставать. Она, кажется, была очень спокойным существом, но это не значило, что она не способна была сердиться.

– Ты, как и все остальные в твоём положении, должен об этом узнавать, когда отправляешься выполнять свое предназначение. Не раньше.

Лотар подумал и все-таки решился задать еще вопрос:

– Теперь ты все время будешь со мной? – Долгое время.

– Значит, это и есть его предназначение? – спросил Сухмет. – Кстати, что из этого получится?

«Он решил болтать без умолку», – с легкой досадой подумал про старика Лотар. Но тот продолжил:

– Знаешь, госпожа Ду-Лиан, дело-то очень трудное, и я не уверен. По Яйцу Несбывшего искося это не прочтешь, а напрямую спрашивать страшно – насторожу противника.

Ду-Лиан вздохнула, она склонна была понимать речь людей лишь в малых дозах.

– Идите дорогой, которая стелется под ноги.

Желтоголовый наконец догадался, что больше они ничего от вианы сегодня не добьются. К тому же волчица вдруг подползла к его ногам, выбрала себе удобную впадинку между двумя камнями и совсем по-собачьи свернулась калачиком, укрыв нос хвостом.

Неожиданно Лотар понял, что просидел так не очень долго, может быть, минут пять. У него даже не успело затечь тело, но ощущение чуждости, какое бывает при очень глубоких медитациях, уже появилось. Руки казались неимоверно тяжелыми, голова существовала как бы сама по себе, даже мысли словно бы принадлежали другому человеку.

Азмир вдруг громко спросил:

– Она что, так и будет теперь с нами?

Лотар встал, присел пару раз, посмотрел на пустычника. Их проводник определенно не понимал, что тут происходило, и боялся волчицы. Боялся до тошноты, до потемнения в глазах. На всякий случай Желтоголовый сказал:

– Она ничего не сделает тебе, если мысли твои чисты.

Азмир сразу насторожился:

– Что ты хочешь этим сказать?

Продолжать этот разговор не было смысла. Всему виной было то, что сознание Азмира было наглухо зажато какой-то одной, очень простой, как деньги, и печальной, как несбывшаяся любовь, мыслью. Но вот какой, Лотар разобрать не мог. И даже Сухмет не мог. Он вообще сказал, что некоторые очень прямые, даже примитивные состояния ума не прочи-

тываются, как самая изощренная ментальная маскировка. Впрочем, все виды маскировки, если вдуматься, именно на этом и построены.

Как бы там ни было, Лотар пустыннику не верил. Он и сам не мог бы объяснить почему, но вот не верил, и все. Хотя видимых причин для этого не было и даже, совсем наоборот, были все основания полагать, что их новый спутник еще не раз выручит их, как выручил уже однажды.

Лотар подумал, что Азмиру очень не понравится то, что он скажет, но все-таки произнес твердым, уверенным тоном:

– Более того, о ней теперь еще и заботиться придется. Она нашу смесь есть не сможет: в ней есть чеснок от цинги и она слишком сладкая... Нам придется прямо сейчас добыть для нее еды, она отошала.

Азмир вскинулся:

– Вот пусть волчица и добывает нам еду, а я не слуга!

Но стоило Лотару приготовить пяток охотничьих дротишков и поправить амуницию, намереваясь выследить горного яка или архара, как Азмир тут же стал приводить себя в порядок, собираясь его сопровождать.

– Нет, – решил Лотар, – знаешь, скоро стемнеет, оставайся в лагере. Если хочешь помочь, займись дровами. А я...

Желтоголовый не закончил, а просто ушел в ту сторону, где, как ему показалось, он может найти какую-то добычу. Он бродил почти до полуночи, пока не отыскал небольшую пещерку, в которой убил молодого яка. Со всей тушей дойти до лагеря он уже не мог, даже нарастив себе дополнительные мускулы. Но и того, что он принес, должно было всем хватить на неделю, не меньше. Мясо яка хоть и жестковатое, но вполне питательное.

Азмир справился с костром, и топлива у них оказалось вполне достаточно, чтобы приготовить несколько кусков ячины впрок.

Запах крови разбудил виану. Вернее, волчицу. Вернее, то создание, которое теперь составляло единую сущность с общими проблемами выживания. Она выбрала себе изрядный кус ноги с костью и твердыми, как камень, сухожилиями и вгрызлась в него, с удовольствием взрыкивая от проснувшейся вдруг свирепой жадности.

Когда она насытилась, то совершенно не по-звериному подошла к костру, чтобы погреться. Увидев около огня ее окровавленную морду, которую волчица все время облизывала шершавым длинным языком, Азмир забился между камнями и притворился спящим, хотя долго еще прислушивался к звукам лагеря, в котором для него ничего не происходило.

Для остальных же происходило довольно многое. Так получилось, что, вдохнув в Рубоса немного сил, Сухмет и его сделал вполне понимающим разговор Лотара с вианой, хотя высказываться миромец, конечно, не мог, для этого у него не хватало техники.

Тем временем Лотар, тщательно подготовившись, спросил:

– Виана, где замок Хифероа?

Волчица подняла на него невыразительные глаза хищника, еще раз облизнулась, вспоминая сытный ужин, и ответила своим нежным, щебечущим девичьим голоском:

– Смотри внимательно, но не верь своим глазам.

Лотару больше ничего не удалось от нее добиться. Спустя полчаса он бросил свои распросы и лишь тогда заметил, что Сухмета поблизости не было. Он нашел восточника почти на краю обрыва, в очень сложной медитативной позе, означающей готовность подчиняться или учить верховные законы Вселенной. От него валил пар, как от кипящей воды.

Лотар повернулся к Ди, который, как всегда, не отходил от старика далеко:

– Он не замерзнет?

– Я прослежу, – с поклоном ответил фой и добавил: – Он гораздо сильнее, чем мы о нем думаем, он вполне справится с холодом.

Лотар вспомнил горных отшельников, которые в самые морозные ночи учили свое тело не поддаваться холоду, набрасывая на себя смоченные ледяной водой попоны, и ушел спать. Засыпая, он с легким удовлетворением подумал, что, если бы не тренировался так много и настойчиво, сегодня они бы легли спать, не поужинав свежим мясом. Просто у него не хватило бы сил выследить добычу в этом диком и пустынном краю, завалить и принести в лагерь.

А совсем перед сном он вдруг вспомнил реплику Сухмета, что он не воюет с животными, пока не проголодается. Как всегда, старик оказался прав, вот еще бы знать, чем он теперь занимается? Но Лотар не сомневался, что скоро узнает и это.

Глава 6

Несколько раз Лотар открывал глаза и видел перед собой ночные горы. Но и с закрытыми глазами он без труда определял, что Сухмет сидит в неизменной позе и учится смотреть, но не верить. Это было очень странное состояние рассудка, нелегко было вычитывать даже его периферийные эффекты. Погрузиться же по-настоящему Лотар не решался. Во-первых, потому что не хотел ненароком помешать, а во-вторых, отчетливо представлял, что для удовлетворительного постижения этой техники у него не хватает подготовки.

Перед рассветом Желтоголовый вдруг уснул глубоко и спокойно. Он понял, что ему нужно было собраться с силами, чтобы выполнить очень непростое и опасное дело. У Сухмета начинало что-то получаться, и самое лучшее для него – получше выспаться перед своей долей работы.

Едва хмурый и серый рассвет разошелся над горами и карнизом, на котором спали путники, Сухмет позвал Лотара:

– Мне кажется, господин мой, чем скорее ты это увидишь, тем лучше.

Сухмет, одеревеневший от долгой медитации, действительно побаивался, что его открытие исчезнет, что он просто не удержит его, потому что сил у старика осталось уже немного. А удерживать в самом деле было что.

Вместо горы над ними возвышался странный, вырубленный из цельного каменного монолита замок – с башенками, окнами, портиками, резьбой и скульптурами. Ничего подобного Лотар еще не видел. Он постоял, оценивая эту невидаль, потом положил руку на плечо восточника, стараясь выразить ему всю меру своего восхищения, и спросил:

– Как тебе это удалось?

Сухмет улыбнулся, его заиндеветшие брови шевельнулись на потемневшем от усталости лице.

– Сам не знаю. Вдруг понял, что следует смотреть на мир так, как смотрит ребенок, который еще ничего не постиг. И это открылось... Я даже подумал, уж не в иллюзию ли впал?

– Ну, теперь, когда и я вижу, можно утверждать: это не иллюзия.

Сухмет улыбнулся немного поживее:

– Ты не очень много знаешь об иллюзиях, господин. Иногда они бывают такими сложными, что...

Слушая неторопливую речь восточника, Лотар оценивающе всматривался в ворота замка. Они располагались на высоте двухсот ярдов от той точки, куда можно было при самых благоприятных условиях забраться нормальному человеку.

Вдруг стало понятно, что потерять картинку от недостатка внимания они уже не могли, потому что рядом стоял Ди, который смотрел на замок еще точнее и яснее, чем Лотар. А к ним уже подходили Рубос и Азмир.

Возможно, когда исчезнет эта волна, которую создал в своем сознании Сухмет, когда они отведут глаза и забудут странное состояние внимания именно к этой скале, они снова не смогут увидеть этот замок, но сейчас Лотар видел его не менее отчетливо, чем если бы он не был скрыт никакой магией. Он сумел даже пробиться через передние заслоны магии и камня и взглянуться в него проникающим взором.

Лучше бы он этого не делал. Потому что ему вдруг стало ясно, что скала, которую они видели перед собой, изнутри была источена, изрыта ходами, приспособлена для жизни и подвода тепла прямо от горячего дыхания земли. И вели эти ходы из такой дали, что входить в них следовало за сотню миль от центра мира.

– Кто устроил этот подземный город? – спросил Лотар шепотом.

Сухмет, прихлебывая горячий травяной чай, который ему подал незаменимый Ди, прочитал в сознании Лотара причину вопроса и ответил:

– Маленький народец гор – никто другой не мог бы проделать ничего подобного. Они и сейчас, вероятно, трудятся на нижних этажах замка, но до них не доходит наше внимание.

Лотар кивнул. Он знал, что проникающий взор не всегда вскрывает строение замка. Что уж говорить о цельной скале, с лабиринтом, уходящим вниз на тысячи ярдов и на сотни миль вдаль?

– Значит, они подвозят питание и всякие прочие предметы по этим ходам?

Сухмет пожал плечами:

– Вероятно. Ворота наверху явно сделаны для летунов.

Рубос, который вдруг тоже все увидел, ахнул и от возбуждения начал водить перед собой руками, словно пытался рассеять невидимую пелену, висевшую в воздухе. Наконец он спросил:

– Как же мы туда попадем?

Сухмет кивком поблагодарил Ди, который налил в его кружку еще чаю, и небрежно ответил:

– Ну, в этот замок проходит только тот, кто может.

– Сверху? – поинтересовался Лотар.

– Не думаю. – Сухмет обжег губы и подул в кружку. – Мне кажется, сверху замок еще лучше защищен.

Лотар присмотрелся в ином спектре, практически на пределе своих магических способностей. Так и есть: над горой, словно радуга, висела разноцветная пленка мощного силового поля. Разумеется, и в нем был проторен путь к воротам, но он был неверным, хитроумным и извилистым, как лабиринты в скале под замком.

– В силовом поле пройти сложно, поневоле обозначишь себя, – продолжил Сухмет. – А мне это кажется бессмысленным – рассеивать ауру, а потом трезвонить о себе на полмира.

Рубос вдруг уверенно сказал:

– Ну, если мы вообще попадем туда, трезвона будет не меньше, чем на полмира.

– Это еще вопрос, – ответил Ди, как всегда, очень спокойно.

– Не понимаю, – нахмурился Рубос. – Придется же рубиться, кого-то убивать... Это, по-твоему, можно проделать незаметно?

– Наша задача – узнать что-нибудь о входе в замок врага. Драться, может быть, и не придется. – Ди подумал, еще раз посмотрел на Рубоса. – Хотя для этого, конечно, нужно сознательно избегать драки, а это уже проблема.

– Что ты имеешь в виду?

– Драка сейчас не самое главное, – согласился с фоем Лотар. – Главное – попасть в замок.

Рубос еще раз смерил взглядом вздымающуюся над ними скалу.

– Лотар, помнишь, как мы поднимались по башне вот этого гаврика в Ашмилоне?

Сухмет вдруг насупился:

– Это была не моя башня, а Нуримана.

Но Лотар покачал головой:

– Нет, Рубос, так не пойдет. Веревкой тут не поможешь. Да ее и не зацепишь – наверху такие сигналки расставлены, они даже паутину обозначат, не то что веревку. Вот если...

Он подошел к скале и попробовал так изменить сознание, чтобы можно было утапливать в камень руки и ноги и ползти по нему, как по липкому болоту... Гранит, оказалось, был тверже, чем требовалось для такого трюка, но и с ним можно было сладить. Лотар посмотрел вверх.

Скала почти отвесно уходила в серое низкое небо, клубящееся тучами. И в общем вполне можно было представить ее ровной поверхностью, поддерживающей тело, не дающей ему соскользнуть вниз, в пропасть... Но что это?

Где-то очень далеко впереди – или высоко, если смотреть глазами обычного человека, – виднелись ровные, как рисунок на блюде, слои другого цвета – желтоватого, синего и фиолетового. Они не переливались, они окружали скалу по периметру, почти как карниз, на котором путники сейчас стояли. Лотар отвлекся от всего, что его окружало, забыл даже о друзьях – он попытался представить, что будет, когда он поднимется и попытается преодолеть эти цветные кольца... Нет, это было невозможно. Колокольчики в сознании сразу затрезвонили, и он увидел перед глазами такую ослепительную вспышку, что затряс головой. Сухмет, придерживая его за плечо, о чем-то спрашивал.

Оказалось, что он отскочил от скалы и сидит на заснеженном камне, а в лицо ему заглядывают Сухмет и Ду-Лиа. Ее волчьи глаза светились холодноватым, жестким светом. И, не спрашивая ее ни о чем, Лотар понял, что по камням он наверх не поднимется, просто не пройдет эти трехцветные ровные кольца.

«Нет так нет», – решил он. Поднялся, снова подошел к скале. На этот раз он пытался проверить, как близко подходит к поверхности скалы пробитый маленьким народцем ход. Ближайший из ходов оказался все-таки слишком далеко, до него нужно было пробиваться почти три сотни футов.

Сухмет прочитал в его сознании то, что он обдумывал, и запаниковал:

– Нет, господин мой. Я не пущу тебя. Это верное самоубийство. Можно ползать по каменной поверхности, можно, меняя сознание, превращаться в родственник камню магмат. Но невозможно пройти через каменную толщу в несколько сотен футов и уцелеть. Масса, которая будет давить на тебя, попросту раздавит слабое нечто, которое некоторые люди называют Лотаром.

– Но я уже раза два проходил через кладку, – попробовал возразить Желтоголовый.

– Если кто-то способен нырять в пруду, это не значит, что он может собирать жемчуг на дне моря.

Ди, который, без сомнения, тоже вычитывал основные идеи из сознания Лотара, кивнул:

– Мой учитель прав. Прошу тебя не спорить.

Рубос и Азмир выглядели слегка ошарашенными. Они не понимали, что происходит. Лотар провел рукой по коротким волосам.

– Но что-то делать нужно? Может, устроим взрыв? Сухмет, ты ведь занимался пироманией?

Сухмет поднял очи горе, потом поправил ошейник и ответил:

– Еще в Лотарии, господин мой, ты согласился, что будет лучше, если противник не сразу нас засечет. А взрыв...

Он махнул рукой и отошел к краю площадочки, на которой они ночевали.

Лотар присмотрелся к радужным слоям защитного поля на самом верху. Так, подлетать к замку следует слева, как будто промахиваешься мимо ворот локтей на триста. Потом чуть вниз и по горизонтали вдоль стены. Направо, на половину расстояния, которое будет отделять летуна от ворот, и назад, в противоположном направлении. Потом утыкаешься в маленький тупичок, строго вверх и вперед. Так, это он уже понял. Вот еще обезопасить себя хотя бы на время от возможных наблюдателей, которые, без сомнения, есть у ворот. Если бы он мог замаскироваться под что-нибудь знакомое им, обмануть хотя бы до тех пор, пока не получит возможность трансмутировать крылья в руки и вытащить меч... Впрочем, нет, если он прорвется на дистанцию прямого боя, он, считай, выиграл. В таких крепостях не дер-

жат очень большого гарнизона, они всегда почему-то кажутся неприступными. Даже слугам Нахаба. Самонадеянность – порок, свойственный всему живому на этом свете.

Лотар спокойно спросил:

– Сухмет, ты можешь замаскировать меня под Киноза? Ну, вспомни то чучело, которое Ди сделал из своего врага, и попробуй...

Глаза фоя на мгновение стали совсем узенькими от удовольствия. Ди любил, когда вспоминали его победу над летающим охотником на путников. Он действительно соорудил из него очень недурное чучело, которое Сухмет установил в своей лаборатории. Вот только одно они сделали искусственным – когти чудовища. Они могли, конечно, приклеить настоящие когти Киноза, но Сухмет почему-то опасался, что тогда он может ожить и учинит массу неприятностей. Хотя как может ожить чучело, набитое опилками?

– Это нетрудно, господин, вот только жаль, что у нас нет подходящих материалов. Я хочу сказать, если бы у нас было несколько волосков с его шкуры...

Вдруг Ди удивленно пошевелил бровями, совсем как Сухмет, и достал маленький мешочек, висевший на шнурке на его шее. Он снял мешочек и протянул его Сухмету:

– Почему нет, учитель? В этом мешке ты найдешь кусок его кожи с клочком шерсти.

Сухмет с интересом посмотрел на фоя:

– Зачем тебе это? Или ты предвидел?..

Ди отрицательно покачал головой:

– Я, естественно, не мог предвидеть такой необходимости. Я просто следовал старой фойской поговорке: след побежденного врага – лучшая защита.

Лотар вдруг представил себе следы ушедшего в бой воина на песке, представил, что знает о его смерти... Что верно, то верно: всякий, кто пытается последовать туда, куда ведут эти следы, должен крепко подумать. Фойская поговорка оказалась полна смысла.

Сухмет взял мешочек, оглянулся на Желтоголового, посмотрел на Ду-Лию, которая вела себя совершенно спокойно, и весело произнес:

– Тогда, как говорят в некоторых кругах, нет проблем, мой господин. Готовься к полету.

Глава 7

Сердце колотилось в груди, как молот по наковальне, голова была такой тяжелой, словно он не спал четыре ночи подряд. Он поборол очередной порыв ледяного ветра, который попытался бросить его на скалу с острыми, как пики, выступами, и снова попробовал войти в лабиринт силовых полей, ведущий в замок Хифероа.

Уж не наложил ли Сухмет слишком сильное заклятие, когда придавал ему внешность Киноза? Или, может быть, он сам перегнул палку, когда пытался сделать себе крылья побольше, чтобы двигались так же, как у демона? Сейчас эти Кинозовы крылья только мешали – многие движения были неверными и чересчур сложными. Но почему эта маскировка так отзывалась на самочувствии?

Очередной сумасшедший вихрь с силой развернул его, Лотар переборол напор воздуха и вошел в лабиринт. Вперед, вбок, вверх... В лабиринте ветер немного стих. Зато слишком близко стала расплываться радужная пленка обжигающего поля. И не понять: горячая она, холодная ли?

Желтоголовый попытался подняться строго вертикально, но еще один порыв бросил его вперед, к замку. И Лотар врезался в поле, успев лишь в последний момент выставить плечо. Удар о поле оказался ошеломительно болезненным. И сразу запахло жженым – должно быть, это горела его кожа. Он стиснул зубы, чтобы не застонать, хотя мог бы, вероятно, и голос подать. Недаром же почти четверть часа, еще на подлете, вспоминал рев Киноза.

Еще раз строго вверх. Теперь будет легче. Действительно, стало легче. Ветер стал восприниматься лишь как бриз, приходящий издалека и вздымающий шерсть на загривке. Вот был бы трюк, если бы крылья Киноза были пернатыми и ему пришлось бы в этой круговерти выстраивать себе фальшивые крылья! Нет, он и на своих родных едва справляется, а на поддельных точно расшибся бы о скалы, как неумелый наездник губит и себя, и своего коня.

Плохо было еще и то, что ничего толком не известно о противнике. Какой он: сильный или слабый? Готовится к драке или ему на все эти размахи и потрясания мечами наплевать? Ведь бывает же и так: стоит только посмотреть пристально – и тебе все рассказывают, хотя нужно очень неплохо знать момент, когда следует посмотреть.

Напоминания о бое вдруг отозвались обостренным восприятием Гвинед с Акифом. Они болтались сзади, их едва удалось спрятать под фантомную шерсть, но рукоятки все равно торчали, а при резких взмахх еще и впивались в бок округлыми наверхьями. Должно быть, чуждая магии сталь обоих клинков протестовала против попытки Сухмета спрятать их, чтобы они не выдали Лотара при проходе через сигнальную систему Хифероа. Вот и злятся, решил Лотар.

И надоевшая, но всегда такая важная забота – успеть бы трансформировать руки из крыльев во что-то, способное держать мечи, прежде чем противник нападет.

До больших замковых ворот оставалось совсем немного. Вот еще ближе, еще... С небольшой высоты стало видно, какое это огромное сооружение. Ох уж эти горы! Как сильно они меняют масштаб! Здесь, как и в море, издалека все кажется почти нормальным, а потом вдруг становится гигантским. И тут и там далекое становится близким, а малое – большим, да так резко, как нигде больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.